

Журнал Пионер

№1 за 1988 год

УДК 82-053.2
ББК 74.27
Ж92

Ж92 Журнал Пионер: №1 за 1988 год / – М.: Книга по Требованию, 2024. – 68 с.

ISBN 978-5-458-44501-6

Пионер — ежемесячный литературно-художественный и общественно-политический журнал ЦК ВЛКСМ и Центрального совета Всесоюзной пионерской организации имени В. И. Ленина для пионеров и школьников. Основан в 1924 году, выходит в Москве. Первый номер вышел 15 марта 1924 года. На страницах «Пионера» выступали Н. К. Крупская, М. И. Калинин, Ем. М. Ярославский, писатели С. Я. Маршак, А. П. Гайдар, Л. А. Кассиль, Б. С. Житков, К. Г. Паустовский, Р. И. Фраерман, В. А. Каверин, А. Л. Барто, Виталий Бианки, С. В. Михалков, Юрий Сотник, В. П. Крапивин, Ю. Козлов и др. В 1938 году в журнале печаталась сказка «Старик Хоттабыч» Л. И. Лагина. В журнале сотрудничали (по состоянию на 1975) З. И. Воскресенская, М. П. Прилежаева, Ю. Я. Яковлев, А. Г. Алексин, Л. Г. Матвеева, В. А. Бахревский, художники О. Г. Верейский, Л. В. Владимирский, А. М. Каневский, Ф. В. Лемкуль, П. И. Кузьмичёв, Е. А. Медведев и другие. Позднее в журнале печатались произведения Эдуарда Успенского. «Пионер» имел постоянные разделы школьной и пионерской жизни, публицистики, науки и техники, искусства, спорта, детского художественного творчества. Журнал организовывал работу тимуровских команд и отрядов. Награждён орденом Трудового Красного Знамени (1974). Тираж в 1975 г. составлял свыше 1,5 млн экземпляров

ISBN 978-5-458-44501-6

© Издание на русском языке, оформление
«YOYO Media», 2024
© Издание на русском языке, оцифровка,
«Книга по Требованию», 2024

Эта книга является репринтом оригинала, который мы создали специально для Вас, используя запатентованные технологии производства репринтных книг и печати по требованию.

Сначала мы отсканировали каждую страницу оригинала этой редкой книги на профессиональном оборудовании. Затем с помощью специально разработанных программ мы произвели очистку изображения от пятен, клякс, перегибов и попытались отбелить и выровнять каждую страницу книги. К сожалению, некоторые страницы нельзя вернуть в изначальное состояние, и если их было трудно читать в оригинале, то даже при цифровой реставрации их невозможно улучшить.

Разумеется, автоматизированная программная обработка репринтных книг – не самое лучшее решение для восстановления текста в его первоизданном виде, однако, наша цель – вернуть читателю точную копию книги, которой может быть несколько веков.

Поэтому мы предупреждаем о возможных погрешностях восстановленного репринтного издания. В издании могут отсутствовать одна или несколько страниц текста, могут встретиться невыводимые пятна и кляксы, надписи на полях или подчеркивания в тексте, нечитаемые фрагменты текста или загибы страниц. Покупать или не покупать подобные издания – решать Вам, мы же делаем все возможное, чтобы редкие и ценные книги, еще недавно утраченные и несправедливо забытые, вновь стали доступными для всех читателей.

В Москве капал первый холодный дождик, а нам пришлось натягивать на себя шубы, ушанки и все, какие были в наличии, свитеры и кофты. Из несколько запоздавшей московской весны мы отправлялись в самую настоящую зиму. Начинаясь неделя «Писатели России — детям Крайнего Севера». Нас, писателей Анну Масс, Леонида Яхнина и меня, представителя журнала Пионер, ждали ребята Таймыра.

Где мы только не побывали за эти дни! В школах Норильска и Дудинки, на оленеводческих стойбищах и в поселке газовиков Тухард. Читали стихи, рассказы, отвечали на многочисленные вопросы. Но, конечно, мы приехали на Таймыр не только себя показать. Нам хотелось побольше узнать о том, как и чем живут в этом суровом краю дети и взрослые. Поэтому не только отвечали на вопросы, но и сами задавали их. А еще внимательно наблюдали и записывали свои впечатления в блокноты. То, что увидел и услышал на далеком холодном Таймыре Леонид Яхнин, вы можете прочесть в этом номере нашего журнала.

Николай ЛАММ

Леонид ЯХНИН

Солнце в упряжке

ЛИСТКИ ИЗ ДНЕВНИКА

Трава на снегу

Туманное солнце катилось по снежным холмам. Я глядел на него из круглого окошка вертолета, пока не загудели лопасти, не подняли морозную пыль. Вертолет затрясся и покачнулся. В мгновение ока заснеженная земля в окошке провалилась куда-то глубоко вниз. И среди снега там, внизу, откуда мы только что взлетели, вдруг появились пучки травы, сухие былинки. После уж я догадался, что это кустились карликовые северные березки и одиноко торчали крестики низких лиственниц. С высоты полета они померещились мне травой, сухой и обмороженной. Белыми слоновыми следами тянулись замерзшие озера. Все новые и новые цепи снежных холмов выворачивались из-за горизонта. А бледное тундровое солнце катилось и катилось по их снежным хребтам, по сверкающим просторам полуострова Таймыр.

Рисующий глаз

Отправляясь в тундру, в стойбище ненцев-оленьеводов, взял я с собой блокнот и горсть рисовальных карандашей. Блокнот удобный, с откидной картонной крышкой. А карандаши отточены. И среди них даже белый — специально для рисования снега.

Летел с нами в вертолете журнальный фотокорреспондент — фоторепер Федор. Важный. С черным

фотоаппаратом на животе и с большой волчьей рукавицей в руке. Он его аппарат будет держать на морозе. В такую большую рукавицу, я думаю, и целиком можно влезть. Отличная рукавица. Но мне такая для рисования не годится. Я должен карандаш пальцами чувствовать. Так я думал сначала, пока сидел в вертолете. Как только вышли мы из теплого его нутра, меня мороз прихватил и пальцы одеревенели. Не слушаются. Даже снег белым карандашом не могу напудривать. Спрятал я альбом за пазуху, а руки в карманы и решил рисовать глазами. Посмотрел — запомнил. Каждый взгляд — кадр памяти.

Икча и Хакля

Первое, что глаз мой нарисовал, были Икча и Хакля. То есть поначалу не было ни Икчи ни Хакли, а был лишь цветной вихрь на снегу. Постепенно из этого вихря образовались пятна — рыжее и черно-белое. И потом уж у этих пятен появились широкие лапы, узкие морды и лисьи хвосты. И уж только после этого разглядел я двух радостных псов — черноухого и белошеего. А позже узнал, что по-ненецки черноухий — Хакля, а белошей — Икча.

Икча и Хакля — оленегонные собаки. Гонят стадо оленей по тундре, не дают им разбегаться. К человеку оленегонная собака ласковая, а с оленями строга.

Пока я разбирался с Икчей и Хаклей, сноровистый фотокор Федор собрал всех ненцев стойбища, сбил их в плотную группу, похожую на снежный холм. У подножия — невозмутимые старики, в середине — хохочущие девушки, а на самой вершине — неподвижные серьезные мужчины-оленьеводы. А как же еще? Они мужчины. Они оленеводы.

Вся бригада здесь, под нацеленным объективом шустрого фотокора Федора. Стал фотокор выяснять имена и фамилии снявшихся ненцев. Для журнала. И оказалось, что одна у них фамилия — Тайбарей. Все они — одна семья. Дедушка с бабушкой. Отец с матерью. Сыновья и дочери. И даже два малолетних внука — бутуз Петя и малышка Венера.

Сидели мы в балке и чай пили. Тепло в ненецком зимнем доме — в балке. Железная печка пыхтит раскаленными боками. Круглое ее огненное отверстие величиной с багровый круг тундрового солнца. Только солнце далекое, холодное, а печка так и кипит огнем. Оленьи шкуры, набитые на стены изнутри и снаружи, греют не хуже печки. И хоть невелик балок — коробок на полозьях, — а всем места хватает. Здесь и бабушка Ватане. И дедушка Илко. И старшая дочь Еване. И сыновья Сатако, Папако, Сэрако. И, конечно же, малышка Венера. Сидит на меховых парках и сокуях, сложенных горкой в углу. Молчит. Серьезный разговор идет. Взрослый. Про Москву.

И вдруг дедушка Илко говорит:

— Что это мы гостей пустым чаем поим? Надо им хорошей еды дать.

Встал он, распахнул дверь балка и вышел. Только клуб голубого пара остался. Да и тот быстро растаял. Не было дедушки Илко долго. Но вот снова распахнулась дверь, и вместе с голубым клубом морозного пара появился он с обледенелым кожаным мешком. Дернул за хрусткие, льдом схваченные тесемки, раскрыл мешок, а оттуда потек свежий огуречный запах. Что за чудеса? Свежие огурцы приносят с сорокаградусного мороза!

А дедушка Илко стал вытаскивать эти огурцы один за другим и на стол класть. Оказались они с хвостами да с плавниками.

И вдобавок с рыбьими головами. Ну и огурцы!

— Корюшка это! Енисейская рыбка корюшка! Она всегда свежими огурцами пахнет, — засмеялся дедушка Илко.

Вслед за ним и бабушка Ватане мелко захихикала. И братья Сатако, Папако, Сэрако захохотали. И старшая дочь Еване улыбнулась. И даже малышка Венера залилась звонким смехом.

Веселая рыба корюшка. И хорошо, что пахнет огурцом. Лето напоминает. Приятно вспоминать о лете в теплом ненецком доме — балке посреди заснеженной Таймырской тундры.

У фельдшера Ели в руках лечебный чемоданчик, а за плечами — ружье. В чемоданчике лежат лекарства, блестящие инструменты и ушная трубочка — стетоскоп. Это понятно. А ружье зачем?

— Еля, зачем вам ружье?

Еля сдвинула на лоб меховой капор, а короткие брови подвинула со лба еще ниже — на глаза. Прищурила свои и так узкие глаза и страшным шепотом сказала:

— От медведя обороняться!

— От белого?!

— Ага! Он раскинет лапы, пойдет на меня.

А я — бах-тарарах! — и наповал. Сто медведей уже убила!

Посмотрел я недоверчиво на фельдшера Елю. Она сама в меховой куртке похожа на медвежонка. Разве ростом чуть больше. А Еля смеется:

— Не убойное у меня ружье! Лечебное.

— Медведей лечить?

— Детей!

Совсем растерялся я от такого загадочного ответа. Тем временем фельдшер Еля вошла в теплый балок. Там пятилетний бутуз Петя под лежанку забился, прячется от страшной ушной трубочки — стетоскопа. Скинула фельдшер Еля ружье и говорит:

— Где тут охотник-промысловик бутуз Петя? Пусть поглядит мое ружье. Хорошо ли стреляет?

Из-под лежанки высунулась осторожная пятка в оленьем чулке. Потом вторая. За пятками задом и весь Петя выполз. Деловито взял ружье. Пощелкал курками, приклад погладил: хорошее ружье, пристреляно.

— А теперь мы поглядим, хорош ли ты охотник, крепкое ли сердце, сильное ли дыхание, — сказала фельдшер Еля и приложила к груди пятилетнего охотника слуховую бомбошку трубочки-стетоскопа.

И охотник Петя с лечебным ружьем в руках мужественно затаил дыхание. Малышка Венера тоже не дышит — гордится старшим братом.

Летом солнце в тундре стоит круглые сутки. День и ночь перепутываются. А весеннее солнце еще слабое. Походит в небе и падает за снежный горизонт. Но и ночью разлит над стойбищем мерцающий свет. Светятся, вспыхивают лампочками снежные крылья сугробов. Прозрачные голубые тени, словно абажуры, приглушают немного этот снеговой свет. Но все же ломит от него глаза. Кажется, сам воздух светится. И течет этот свет холодной струйкой прямо в зрачок. Слезится, выключается мой рисующий глаз. Зато включается слух. Ловлю я ухом ночные звуки тундры.

Сонно взлаивают собаки. Хоркают, будто поперхнувшись чем-то, олени: хорр-х! хор-х! Потрескивают смерзшиеся на морозе олени стены балка.

Но и еще какой-то звук. Никак я его не могу определить. А чувствую — есть он. Зудит или гудит? Или позванивает? Или шуршит? Но кто может зудеть или позванивать в немыслимый мороз? И вдруг я догадываюсь. Это голос снегов. Позванивают они остекленевшими снежинками. Шуршат, укладываясь поплотнее в сугробы. И гудит в ушах безмолвный снежный колокол. Собирает воедино все звуки. Хорканье оленей. Взлаивание собак. Движение ветра. И, может быть, несмелое дыхание просыпающейся весенней земли.

Утром мы пили чай. А я все поглядывал на стену балка. Там висел огромный желтый зуб. Невероятный этот зуб мог бы поместиться разве что во рту ископаемого саблезубого тигра. Дедушка Илко поймал мой взгляд и снял сабельный зуб со стены. Оказалось, что зуб — это только костяные ножны. А внутри нож. С костяной ручкой. Дедушка Илко протянул мне его и сказал:

— Нож. По-ненецки — хар!

Какое точное слово для острого быстрого ножа — хар. Я вертел ненецкий хар в руках. Но тут подбежал ко мне бутуз Петя, выхватил нож и прицепил его к поясу. Он горделиво прошелся у моих коленей, будто заправский охотник, и сказал:

— Теня! Вот как называется этот нож у пояса — теня!

Не успел я удивиться второму названию одного ножа, как старшая дочь Еване взяла у бутуза Пети то ли хар, то ли тенью и принялась им выкраивать из куска оленьей кожи узенький ремешок. Поскоблит жесткую кожу и вырезает, поскоблит — и режет дальше.

— Этим ножом одежду можно кроить, — сказала она. — Поэтому сэдорабць он называется.

Я окончательно запутался. Если нож просто нож — то он хар. Подвесь его к охотничьему поясу — станет тень. А дай в руки женщине, станет она кроить оленью одежду, тут особое слово появляется, его и не выговоришь сразу — сэдорабць!

Стал я это слово на все лады повторять. Сэдорабць. ...Сэдорабць. И вдруг представилась мне картинка: сидит женщина за работой — сэдорабць. Скребет шкуру оленя острым ножом — бць-бць. И, наверное, поет тихую северную песню, где такие же картинные слова.

Удивителен язык, где слова, как картинки. Тут и не нужен рисующий глаз. Достаточно рисующего уха. Слушай и представляй. Задумался я, представляя ненецкие слова-картинки. А дедушка Илко толкнул меня в бок и говорит:

— А ножны из бивня мамонта. Слово такое русское — мамонт. Древнее.

Олений кулек

Вдоль кромки снежной сопки долго бежали оленьи рога. Будто ни с того ни с сего пустились в пляс кусты тальника. И вдруг разом вынырнули из-за сопки два оленя. Они тяжело работали ногами в рыхлом снегу, громко фыркали, пуская из ноздрей паровозные струйки пара. За поднятой оленьими снежной пылью сразу и не заметны были длинные деревянные санки. В санках сидел кулек из оленьих одежд. Из кулька торчала длинная палка-хорей. Шшу-шшу! — подгонял оленей кулек и грозно шевелил хореем. Оленья упряжка перевалила через невысокую сопку и выкатилась прямо к стойбищу.

— Хоп! — крикнул кулек тоненьким голоском и соскочил с санок.

Из всех балков высыпали оленеводы.

— Саля приехала! Александра! Какие книги привезла?

Олений кулек оказался библиотекарейшей Салей из Красного чума — поселковой библиотеки. Быстро распаковала Саля-Александра свой олений баул. Каждому привезла что-нибудь.

И вот уж сидят братья Тайбарей. Сатако читает газету «Правда». Папако развернул цветной журнал «Огонек». Сэрако листает толстую книгу — на месяц чтения! Старшая сестра Еване в журнале «Работница» наряды разглядывает. А дедушка Илко посадил на колени бутуза Петю и малышку Венеру, читает им вслух сказку про волшебного старика Вэсако.

Только бабушка Ватане ничего пока не читает. Она хлопочет вокруг библиотекарейши Сали-Александры. Накормить ее надо, чаем напоить. Дальняя дорога была до стойбища. И обратная предстоит.

Люлька в санях

Приехала в стойбище поющая бригада. Артисты. Аккордеон привезли. Артистов в самый боль-

шой балок пригласили. В бригадирский. А зрителей столько, что и снаружи, в дверях стоят. Те, кому и в дверях места не хватило, ухом к оленьей стенке балка прилегли. Только дедушка Илко в этой толкотне не участвует. Сидит в сторонке на твердом гребне сугроба.

Зарокотал басами аккордеон. Разом ахнула поющая бригада:

Белая акация в цвету-у...

Дедушка Илко вздрогнул, выпростал ухо из-под капюшона, прислушиваясь к этой совсем не северной песне. Громко поют артисты. Всем слышно. И вдруг: шшу-шшу! Хэ-хэй! О-хэй! Оленья упряжка. А на ней Клара из соседнего стойбища.

— Опоздала?! Уже начали петь артисты?

— Полтундры пробежала, — удивился дедушка Илко. — И чего торопилась? К вам тоже артисты приедут.

— А я два раза послушаю! — засмеялась молодая Клара и сунула дедушке Илко кожаный сверток, перевитый оленьими ремешками. Сверток записал, и дедушка Илко тихонько зашел ему совсем северную выюжную песню: а-аа, о-оо, у-уу...

А молодая мама Клара протиснулась к дверям балка и замерла.

Нежная акация, снежная мете-ель...

Фыркали оленя, скрипел снег, басил аккордеон, тоненько попискивал олений сверток на коленях у дедушки Илко, и летела над балком, поднималась вместе со струйкой дыма все-таки немного северная песня:

Снежная акация в саду-уу...

Тухарт

За мной прилетел вертолет. Я прощался с бабушкой Ватане. И с дедушкой Илко. Покачал на прощание на коленях малышку Венеру. Крепко пожал руки братьям Папако, Сатако, Сэрако и бутузу Пете. А старшая дочь Еване подкатила меня на оленьей упряжке прямо к брюху вертолета.

Смотрел я, не отрываясь, в круглое окошко вертолета. Ждал, когда кончится снежная тундра, чтобы в последний раз махнуть ей рукой. Но все тянулась и тянулась тундра в морозном тумане. Холмистые ровные снега. А вон через эти снега пролегла ровная лыжня. Нет, это дорога шириной с лыжню. Куда дорога? Откуда? Кто по ней ездит?

Вдоль голубой полосы дороги летел наш вертолет. И, казалось, уже летят они наперегонки — дорога-стрела и гудящий комарик-вертолет. Кем пущена, куда воткнется эта бесконечная стрела дороги? И вдруг я увидел впереди на самом острие дороги пучок огня. И показалась тогда мне эта дорога длинной рукоятью факела, упавшего в сверкающий снег.

— Факел! — гаркнул из кабины летчик, перебивая шум винта.

— И мне так показалось! — обрадовался я.

— Не показалось, а точно! По маршруту как раз под нами Тухарт. Это по-ненецки. А по-русски — Пылающая земля. Или Факел. Поселок газовиков. Тянут трубопровод на материк. Газ тут природный, — отрывисто бросал мне из кабины летчик.

А я уже жадно разглядывал стезжку домиков, круглые банки газохранилищ. Разглядывал и думал, что мне приятно повторять имя этой снежной стороны — Пылающая земля.

Наталия ИЩУК

Голубое в голубом

Вот кусочек мягкой глины
Разделен на половинки...

И слепила я кораблик,
И слепила самолет.

Но сказали, мой кораблик
Никуда не поплывет!

И знакомый мне твердит,
И прохожий мне твердит,

Что из глины самолетик
Никогда не полетит...

Но ведь глину я нашла
Не люблю —
Но ведь глину я нашла
Голубую!

Самолет мой наберет
Высоту,
И кораблик не удержишь
В порту:

Голубое в голубом
Оживет,
Голубое в голубом
Загудит —

Голубое в голубом
Поплывет,
Голубое в голубом
Полетит!

Небо

Говорят,
Я когда-то была
Меньше куклы
И ниже стола!

А теперь
За столом я сижу,
Куклу я на коленях держу.
Все уменьшилось в доме немножко.
Стало в комнате
Ниже окошко.
Ниже яблоки в нашем саду:
Захочу —
Дотянусь без труда...

Только небо,
Как я ни расту,
Остается высоким
Всегда!

Рисунок А. ГРИШИНА.

азмышляем,
никаем,
порим

Здравствуйтесь, друзья! С Новым годом!
«Юнковский пост «РВС» опять встречается
с вами.

ПИОНЕРСКИЙ КАЛЕНДАРЬ

1 января — Новогодний праздник.

Ребята! Расскажите нам, как вы со своим отрядом встретили праздник Нового года. Самые интересные рассказы мы опубликуем.

21 января 1924 — Умер Владимир Ильич Ленин.

Предсовнаркома Ленин

Листок блокнота, каждая бумажка,
Наимельчайшие черновики,
Записочка, где просьба есть к Семашко,
Чтоб тот достал крестьянину очки,
Стол, стул, скамья, садовая дорожка —
Нам дорого все связанное с ним.
С детишками играет, гладит кошку —
На все это мы с нежностью глядим.
Но мы порою забываем словно:
Проступки, в форме этой или той,
Он требовал (цитирую дословно)
Карать «с демонстративной быстротой».
Дрожали у виновного колени,
Весь трепетал, как на ветру свеча,—
Пред ним стоял Предсовнаркома Ленин
Взамен сердечнейшего Ильича.
Пропаза, волокитчик, бюрократ —
Пусть и сейчас дрожать не перестанут:
Пусть чудится тому, кто виноват,—
А вдруг сквозь стены Мавзолея глянут
Всевидящие грозные глаза,
От коих скрыться никуда нельзя.

Вера Инбер.

ОБЗОР ЮНКОВСКИХ ПИСЕМ

В этом первом выпуске нового, 1988 года мы решили предложить вам, ребята, обзор юнковских писем. Это отклики на темы, прозвучавшие в разделах:

«Спор-площадка»,
«Возник вопрос»,
«Ситуация»,
«Отрядная копилка»,

«Статистическое бюро «Посчитаем-подумаем».

Сегодняшние письма — некоторый итог работы «Юнковского поста «РВС» за прошлый год. Прочитайте их, пришлите свои мнения, предложения. И ваши письма могут занять свое место на страницах «Юнковского поста «РВС».

Что я думаю про деньги

Я хочу рассказать о летней трудовой четверти в нашей школе.

В прошлом году старшеклассники работали на Механическом заводе: изготавливали детали и части к охотничьим ружьям. Школьники шестых-седьмых классов были в колхозе «Россия», что в пятнадцати километрах от города, — пропалывали свеклу на площади в 4 гектара. (Заплатили ли им деньги за эту работу, я не знаю.) Также в нашей школе во время трудовой четверти работала бригада художников-оформителей из учеников. Они оформили несколько кабинетов, в том числе и библиотеку: сделали панно, макраме... Организована была и столярная бригада. Она изготавливала множество ящиков для цветов. Сейчас эти красивые ящики стоят на всех школьных этажах, и в них уже есть цветы. Деньги ребятам за

эту работу не платили, так как их труд шел на благо школы. Была у нас и бригада вожатых, которая в школьном лагере работала три месяца. Также по желанию любой мог трудиться на пришкольном участке. И еще каждый день в августе мы ездили полоть морковь в колхозе.

Я думаю, что во время трудовой четверти отряды, выезжающие в колхоз и другие места, должны получать какую-то часть денег, а остальную перечислять в Фонд мира или на ремонт школы.

Юнкор Ольга КОРОСТЫЛЕВА, г. Ижевск.

Самая удобная позиция

Отчет членов совета отряда у нас проходит следующим образом. Приходит член совета дружины и спрашивает: «Что ты сделал за этот учебный год?» Тут, конечно, вспоминаются бывшие заслуги (которых очень мало), и если ты хоть как-то когда-то что-то организовал, уже считаешься лучшим пионером отряда. Отчет этот проходит один раз в год, что, конечно, плохо. Я считаю: чтобы контролировать работу каждого члена отряда, нужно проводить отчеты раз в неделю и тут же намечать план действий на следующие дни. За невыполнен-

ное пионерское поручение пионера строго наказывать (до исключения из пионерской организации). А то получается, пионер пообещал и не выполнил, его поругали, он забыл и продолжает бездельничать, а это самая удобная позиция в жизни.

Извините, что не пишу своего имени.

Днепропетровская область.

Я старалась вовсю...

Здравствуйте! Можете думать, что хотите, но я вам все напишу. Зовут меня Таня Петрова, учусь я в школе № 128. Я пионерка и глубоко в этом раскаиваюсь. Ваши пионерские «дела» мне ничего не дали, хотя я (поверьте на слово) старалась вовсю. Была с 4-го класса и председателем, и старостой. Почти все дела делались с неперемным моим участием. Запомните: прошли времена, когда Тимур свистнет и все уже на боевых постах. С одной стороны, у нас учителя: учитесь, учитесь, а для приготовления уроков среднестатистическому ученику нужно не меньше 2—3 часов. Со второй стороны — родители: укрепляй здоровье — занимайся спортом, повышай свой кругозор — посещай кружки и лекции. Это тоже съедает кучу времени. С третьей стороны — свои интересы:

В ИЗОСТУДИИ.— Автор Сергей ВАЛЬЦОВ, восьмиклассник из школы №658 г. Москвы.

ЗИМНИЕ ШУТКИ. — Работа Кирилла ЯРОША, который занимается в фотостудии Харьковского областного Дворца пионеров и школьников.

с друзьями встретиться, в кино сходить, а тут еще вы все со своими пионерскими. никому не нужными делами. Если бы вы не кидали налево-направо, что вот, мол, вы — пионеры, вы должны, обязаны и так далее, а действительно берегли бы все свои святыни, так за вами бы пошли. А так идете вы с гордо поднятыми головами и руками и думаете, что все за вами бегут и торопятся попасть в ваши ряды. Оглянитесь! За вами никого нет!

Без уважения к вашей организации как таковой.

Татьяна ПЕТРОВА, г. Свердловск.

P.S. И не надо никаких «Спор-площадок».

Учителя не верят нам

В прошлом учебном году наш отряд взял на себя большую ответственность: мы решили провести первый в дружине эксперимент по полному самоуправлению. Но учителя не верят нам. Стоит возникнуть какой-нибудь неполадке, как они тотчас же: «Вот, вот оно, ваше самоуправление». Стараются попрекнуть, поддеть; они видят в школьном самоуправлении потерю своего влияния. даже авторитета. А мы просто хотим отвечать за все сами.

Девочки 7-го «Б»
г. Дзержинск, Горьковская область.

(Девочки, к сожалению, не указали свою школу.)

ЮНКОРЫ! ОБЩИЙ СБОР!

Внимание! Молодой юнкоровский отряд «Легенда» из города Свердловска просит помощи.

«Члены нашего отряда занимаются фехтованием, а спортивных клинков у нас не хватает. В магазине мы их купить не можем — в продажу клинки поступают в ограниченном количестве.

Ребята! Если у вас есть лишние клинки, пришлите их нам по адресу: 620028, г. Свердловск, ул. Заводская, д. 11, кв. 73, Максиму Шувалову для юнкоровского отряда «Легенда» — будем очень благодарны за помощь».

ПОЧТОВЫЙ ЯЩИК

Учкомы! Кто может поделиться опытом работы? Жду ваши письма по адресу: 427410. Удмуртская АССР, г. Воткинск, ул. Мира, д. 13, кв. 13, Оксане Гавриловой.

Мы посещаем клуб служебного собаководства. Нам очень хотелось бы переписываться с теми, кто работает, как и мы, со служебными собаками. Наш адрес: 660084, г. Красноярск, Ленинградский пр-т, д. 1, кв. 107, Наташе Дудкиной, и 660084, г. Красноярск, Ленинградский пр-т, д. 1, кв. 82, Оле Грановой.

СИТУАЦИЯ

- В прошлом выпуске (смотри № 12 за 1987 год) мы привели письмо семиклассников, которые возмущены тем, что сорвалась их поездка на экскурсию из-за нескольких одноклассниц.
- В позиции авторов письма мы видим две ошибки.
- Во-первых, если бы эти ребята были только одноклассниками, они бы, может, и могли так заявить: «Разве мы виноваты? Мы им говорили, просили, умоляли...» Но эти ребята — пионеры, члены одного отряда, где «Один за всех, а все за одного». Значит, отряд отвечает за поступки каждого пионера. И никакого разделения на «мы» — хорошие и «они» — плохие тут быть не может.
- Во-вторых, если вы видите, что кое-кому в вашем отряде совершенно наплевать на пионерскую организацию, почему вы не исключаете его из пионеров? Или вы считаете, что пионеры, которые курят, пьют, интересуются только барами и танцами и с пренебрежением относятся к жизни организации, могут оставаться ее членами?

ДИАГНОЗ СТАВИТ ЧИТАТЕЛЬ

В № 8 «Пионера» за прошлый год на стр. 25 мы опубликовали письмо семиклассника, не назвавшего себя. Наши юнкоры на слете и все читатели «Пионера» получили редакционное задание: обсудить это письмо в отрядах и дружинах. Отклики получены, можно подводить итоги.

Кто «за»? Кто «против»?

«Когда я прочитала в № 8 вашего журнала письмо паренька, артековца, у меня улучшилось настроение. Наконец-то нашелся человек, которому не боязно было высказать все, что накопилось у него в душе». — **Люба Ростова, Москва.**

«Я была поражена тем, как автор письма точно и правильно изложил сегодняшнюю обстановку в пионерских дружинах». — **Девочка 14 лет.**

«Я считаю, что он тысячу раз прав! Если спросить даже не среднего пионера, а председателя совета отряда, уважает ли он свою организацию, тот заявит, что ты дурак! Что же из этого следует? **Катастрофа!** Пионерской организации как таковой не существует. По крайней мере ее присутствия не ощущается!» — **Ал. Паш., г. Арзамас.**

И так почти во всех письмах: «Согласна», «Совершенно согласен», «Автор прав...». По крайней мере с двумя утверждениями: что многие пионеры не уважают свою организацию и что принимать в пионеры надо только достойных, а не всех поголовно, согласились **ВСЕ** написавшие нам ребята. Все, кроме **Сергея Зарванского из г. Мегийон Тюменской области**, который считает, что не уважают пионерскую организацию только бездельники и двоечники.

Ну, а делегаты как отнеслись к утверждениям неизвестного

автора? Вот что об этом пишут наши юнкоры.

Егор Подолинский («Кара-велла», г. Свердловск):

«Мнения были самые различные, от «Все правильно!» до «Какой дурак это написал?». Правда, таких людей, которые считают, что все в письме неправильно, было очень мало».

Лариса Мервинская («Синий краб-зюйд», г. Симферополь):

«У делегатов мнения по поводу письма разделились. Автор считает, что многие пионеры не уважают свою организацию. Некоторые делегаты мне с яростью доказывали противоположное. Но при этом я хочу заметить, что сами-то они, как только я отошла в сторону, покрутили пальчиками у висков. Как видите, автор оказался прав — свою организацию большинство не уважает».

Из писем наших читателей:

«Я более чем уверен, что делегаты IX Всесоюзного слета пионеров правды о состоянии дел в пионерской организации не скажут». — **Пионер из Красноголовки Донецкой области.**

«Предвижу, много будет ответов, что все хорошо». — **Виктор Доронина, г. Мстиславль, Могилевская область.**

Не угадали, друзья. И на слете было очень много острых споров, да и читатели в своих письмах беспокойства за пионерскую организацию не скрывают. Как видим, большинство поддерживает автора опубликованного письма и считает положение крайне серьезным.

Жизнь на коленях

Письмо начиналось так:

«Мы провели опрос среди пионеров нашей дружины. Вот некоторые из ответов.

— Все заставляют делать насильно, вечно свое личное время тратим, после уроков редко уходим без задержки: то сбор отряда, то какой-нибудь отчет, то линейка. Надоело все!

— Замучили уже с этими «пионерскими делами»! В учебном году я должен как член совета дружины посещать школу пионерского актива. А она проходит в неудобное для меня время. Я пропускаю. от выговоров прохожу нет. Ужас!»

А в конце письма стояла подпись: пионеры отряда «Непокорные». Наш девиз: «Лучше умереть стоя, чем жить на коленях».

Ну и смех. Знаете, что я подумала, когда прочитала это письмо? Те, кто поет, что им надоело тратить личное время на дела в своей организации, тоже, наверное, из отряда с гордым названием. И девиз у них есть, такой же красивый. Вот только нет мужества или изменить то, что «надоело» в своей организации, или уйти из нее совсем. Вот уж и правда «жизнь на коленях».

Кто виноват?

Таня из села Верх-Усугли Читинской области пишет:

«Рядом с нашей старой школой строится новая, двухэтаж-

1-й секретарь ЦК ВЛКСМ В. И. Миро-
ненко (в центре) и председатель ЦС
ВПО имени В. И. Ленина И. Н. Никитин
на встрече с делегатами слета.

ная. В ней идут отделочные ра-
боты: там красят, кладут трубы,
асфальтируют территорию...
И всю эту работу выполняют
наши мамы, папы, тети и дяди,
бабушки и дедушки, которые
проводят здесь субботники.
А ведь это могли сделать и мы:
покрасить полы, например. Я со
своими подружками пошла бы
сразу. Но учителя (и некоторые
родители) не хотят этого.

Сейчас в соседних колхозах
и совхозах нужно убирать карто-
фель, морковь, свеклу... Мы
съездили один раз, и все.
А отряд мой еще хочет!»

Это письмо **семиклассника**
из Орла:

«Все наши важные дела нико-
му не нужны. Например, как мы
собираем макулатуру? Ученики
1—5-го классов тащат по 20—
60 кг бумаги, занимают первые
места. А буквально через день-
другой эту бумагу сжигают на
стадионе. Лучше бы эту макула-
туру мы сами сдали и получили
талоны на какие-нибудь книги
для школьной библиотеки. А то
в нашей библиотеке читать со-
вершенно нечего».

Андрей Циковский и Миша
Фурминский, юнкоры отряда
«Солярис», записали на слете
такой рассказ делегата:

«Я три года председатель со-
вета дружины. В первый год
я еще ничего не знал. Мне надо
было составить план работы
дружины. Вожатая подошла ко
мне и дала старый план и ска-
зала заменить числа и прочи-
тать его на собрании. Так я и
сделал. Доклад занял у меня
15 минут, а уже через 5 минут
меня никто не слушал».

Почему пионеры недовольны
своей организацией? Когда за-
даешь вам этот вопрос, вы кри-

Вот как увидели слет юнкоры из отряда «Пламя» **Женя Кузин** и **Алеша**
Есипенко: напряженные лица ребят, дискуссии и споры. Нет, делегатам
и участникам слета было не все равно, какой станет их организация.

чите в ответ: «Учителя задави-
ли, все за нас придумывают, все
решают, дайте нам самостоя-
тельности...» А вы ее возьмите.
Сами.

Обидно, когда горит собран-
ная вами бумага? А почему вы
не узнали, куда эта бумага пой-
дет, кто ее будет вывозить
и нужна ли она вообще? Почему
положились на директора, заву-
ча, на кого-то еще? В следую-
щий раз все выясняйте сами.
А если вашу макулатуру никто
не ждет, не собирайте.

Хотите строить школу, а учи-

теля, родители не пускают?
Поднимайте на ноги комитет
комсомола, звоните в райком...
Если красить полы не доверя-
ют (с красками детям работать
вредно), то уж мусор выносить,
мыть стены, сажать цветы и де-
ревья дадут точно.

Картошка мокнет, морковь
гниет, колхозам нужна ваша по-
мощь, а учителя не позвали, не
отвезли на поле? А вы собе-
рите совет дружины, возьми-
те с собой пионервожатую и
идите к директору совхоза са-
ми. Да покажите ему решение

Оформление К. ОРЛОВА.